

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

ЧЕТВЕРГЪ, 20 ІЮЛЯ 1933
JEUDI, 20 JUILLET 1933

НОМЕРЪ **50** САНТ.
ВО ФРАНЦИИ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦИЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe "LES DERNIERES NOUVELLES". Directeur P. N. MILIOUKOV

LE NUMERO **50** cent.
EN FRANCE

ЧЕТВЕРГЪ, 20 ІЮЛЯ 1933
JEUDI, 20 JUILLET 1933

№ 4502

14^е
ANNEE
201

ABONNEMENT AUX « DERNIERES NOUVELLES »
(Partant du 1 et 16 de chaque mois)
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ“
(съ 1-го и 16-го числа каждого мѣсяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франції	14	40	75	145
За-границей	25	70	135	265

Перемена адреса — 1 фр. — Changement d'adresse — 1 fr.

Подписка принимается въ Конторѣ газеты
и въ отдѣленіяхъ, а также по почте.
СТАВКИ.
Цена: Въ Парижѣ и провинціи — 50 сант.
За-границей — 90 сант.
Пріемъ объявленій въ Конторѣ газеты.

ADRESSE DE LA REDACTION ET DE L'ADMINISTRATION

Адресъ Конторы и Редакціи
51, Rue de Turbigo, 51 — Paris III (Métro: Arts et Métiers)

On s'abonne aux Bureaux du Journal
et dans tous les Bureaux de Poste
Le numéro: Paris et Départements — 50 c.
Etranger — 90 cent.
Annonces: aux Bureaux du Journal

Телефонъ редакціи TURBIGO 81-52
„ конторы ARCHIVES 85-00
„ отд. объявленій. ARCHIVES 84-95 и слѣд.
Ночной теле-связь редакціи (до 9 час. вечера):
PROVENCE 39-44

Телеграфный адресъ Adresse télégraphique
DERNOUVED PARIS 03

№ 4502

14-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ
201

О Чеховъ

Вышелъ двенадцатый — послѣдній томъ Полнаго собранія сочиненій Чехова*). Собраніе не можетъ считаться полнымъ, пока въ него не вошли письма, составляющія очень важную часть «литературнаго наслѣдства» писателя. Но все, что Чеховъ печаталъ за своей подписью, подъ разными псевдонимами или анонимно, собрано въ этихъ двенадцати томахъ и едва-ли самыя внимательныя раскопки въ старыхъ газетахъ и журналахъ прибавятъ что нибудь новое.

Въ этомъ томѣ данъ текстъ первой большой пьесы Чехова драмы «Возотцовщина», написанной имъ въ студенческіе годы. Драма, очень слабая, интересна тѣмъ, что заключаетъ рядъ сценъ и лицъ, которыя появились въ позднѣйшихъ пьесахъ Чехова. Юношескіе замыслы созрѣвали постепенно и нѣкоторые изъ нихъ Чеховъ использовалъ даже въ «Вишневомъ саду», своей послѣдней пьесѣ.

Изъ другой пьесы — «Лѣній», провалившейся на сценѣ, Чеховъ черезъ девять лѣтъ сдѣлалъ «Дядю Ваню». «Лѣній» занимаетъ видное мѣсто въ драматическомъ творчествѣ Чехова. Это была его первая попытка замѣнить театральные, сценическіе трафареты изображеніемъ «современной простой и сложной жизни», такой, какъ она есть въ действительности. Чехову хотѣлось создать и новыхъ лицъ, и оригинальный сюжетъ. «Выгляды у меня, — писалъ онъ, — лица положительныя новыя; нѣтъ во всей пьесѣ ни одного лжеца, ни одного вводнаго комическаго лица, ни одной пошлости».

Брать писатели, Михаилъ Павловичъ, вспоминаетъ, какъ писалъ «Лѣній» Павловскій актеръ Н. Н. Соловцовъ, съ отроческимъ успѣхомъ игравшій чеховскія поденки «Медвѣди» у Корна, открывшій въ Москвѣ собственный театръ и просившій у Чехова пьесу къ Рождеству. «До наступленія Рождества, — рассказываетъ М. Н. Чеховъ, — осталось всего какихъ-нибудь десять-двенадцать дней. Соловцовъ предлагалъ тысячу рублей — условія были заманчивы. И вотъ братъ Антонъ принялся за пьесу «Лѣній».

*) А. П. Чеховъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ XII. ГИХЛ, Москва 1933. Стр. 351.

Каждый день писалъ по акту, и переписывалъ ихъ въ двухъ экземплярахъ, Соловцовъ привозилъ и отбиралъ эти экземпляры и посылалъ ихъ съ кондукторомъ въ Петербургъ на цензуру». Такая быстрота писанія объяснялась тѣмъ, что Чеховъ передѣлывалъ уже ранѣе написанную пьесу, забракованную въ первой редакціи литературно-театральнымъ комитетомъ для Александринскаго театра.

Но и у Соловцова пьеса провалилась. Была поставлена она ужасно. Тучная, пожилая Губцова играла роль молоденькой дѣвушки, и «первый любовникъ» Роцинъ - Исавровъ, не могъ даже выѣстить ее въ свои объятія. Критика дѣлала автору тѣ же упреки, которые онъ слышалъ, впрочемъ, и позже за всѣ свои пьесы. «Пьесы нѣтъ, — изъ-за неумѣло построенныхъ сценъ выглядитъ повѣсть или даже романъ, къ сожалѣнію, втиснутый въ драматическую форму».

«Лѣній» была не первой театральной неудачей Чехова. За два года передъ тѣмъ, въ ноябрѣ 1887 года, у Корна, провалилась «Иванова», написанная по просьбѣ самого Корна, очень быстро, всего въ десять дней. «На премьеру, — вспоминаетъ тотъ же М. Н. Чеховъ, — собралась самая изысканная московская публика. Театръ былъ переполненъ. Одни ожидали увидѣть въ «Ивановѣ» веселый фарсъ въ стилѣ тогдашнихъ разсказовъ Чехова, помѣщавшихся въ «Осколкахъ», другіе ждали отъ него чего то новаго, болѣе серьезнаго, — и не ошиблись». «Ты не можешь себѣ представить, — писалъ Антонъ Павловичъ брату Александру послѣ первого представленія «Иванова», — что было. Изъ такого малоинтереснаго дѣла, какъ моя пьесенка, получилось болѣе знатное, что Шумилинъ, талдыкинъ, хлопалъ, и плакалъ. Въ бѣдѣ едва не подрались, а на галлереѣ студенты хотѣли вымарнуть колѣно, и полился вывала вонюхъ. Возбужденіе было всеобщее. Сестра едва не упала въ обморокъ. Актрисы бѣжали дернись, напружены. На другой день послѣ спектакля въ «Московскомъ Листкѣ» рецензія Петра Киселева, который обзывалъ мою пьесу нагло-мещинной, безразличной дребеденью».

«Иванова» постигла та же судьба, что позже «Чайку», которую публика оцѣнила лишь въ Художественномъ театрѣ, послѣ провала на Александринской сценѣ. Художественники играли позже и «Иванова», но еще ранѣе была «реабилитирована» въ 1889 году на Александринской сценѣ. Самого Иванова исполнилъ тогда В. Н. Давыдовъ, поразившій публику въ роли, казалось, совсѣмъ не соответствовавшей его амплуа.

Значительную часть послѣдняго тома «полнаго собранія» составляютъ записныя книжки и дневники писателя. Къ сожалѣнію, лишь небольшая, повидимому, часть этихъ цѣнныхъ матеріаловъ сохранилась. Записныя книжки уже были опубликованы, но въ этомъ изданіи даны примѣчанія, показывающія, какъ использовалъ Чеховъ ту или иную записку, а что осталось лишь сырымъ матеріаломъ для неосуществленныхъ замысловъ. Для образца приведемъ тему разсказа, къ которой Чеховъ возвращался нѣсколько разъ, и такъ и оставилъ ее въ этомъ литературномъ архивѣ.

Сначала записаны двѣ строчки: «Чиновникъ носитъ на груди портретъ губернаторши: отбрасываетъ орѣхачи и дѣйку и подноситъ ей». Черезъ нѣсколько страницъ записи, въ которой уже вырисовывается сюжетъ: «Чиновникъ, носившій портретъ губернаторши, даетъ деньги подъ проценты, богатымъ пташкѣ. Бывшая губернаторша, портретъ которой онъ носилъ 14 лѣтъ, живетъ подъ городомъ, вдова, болящая; сынъ ея понаеде, нужны 4 тысячи. Она идетъ къ этому чиновнику, онъ выслушиваетъ ее съучажие и говоритъ: — «И почему не могу сдѣлать для васъ, сударыня». Слѣдующая записъ дополняетъ и развиваетъ предыдущую: «Губернаторша пригласила чиновника, у него тонкій голосокъ, своего обожателя (портретъ на груди) на чашку шоколада, и потому онъ нѣсколько неспытываетъ блаженство. Онъ копилъ деньги и скупалъ ими безъ процентовъ. И не могу дать вамъ, зятъ, сына, пропущать. Идетъ съ, не могу — Мужъ потерял, той самой, которая когда то сдѣлала въ дождѣ въ бѣдѣ, проигралась и разгнѣвалась. Чиновнику, пришедшему къ селѣ и подѣкъ и шкорта не пишому шкортала, стало тошно отъ него. А губернаторши выраженіе: и миленькая, чашку дѣла, тротила на туалеты и жаждала случая

сеголнуть эти туалеты — устройство вечеровъ». Вперемежку съ подготовительными къ разсказамъ записями, идутъ отрывки характера дневника. Вотъ одна изъ нихъ: «Привожу къ знакомому, застаю ужинъ, много гостей. Очень весело. Мнѣ весело болтать съ собесѣдами и пить вино. Настроение чудесное. Вдругъ поднимается Н. и съ важнымъ лицомъ, точно прокуроръ, произноситъ въ честь мою тостъ. Чародѣй слова, идеалы, въ наше время, когда идеалы потускнѣли... сѣйте разумное, вѣчное... У меня такое чувство, точно я былъ покрытъ ранѣе колпачкомъ, а теперь колпачокъ сняли, точно въ меня прицѣпились. Послѣ тоста чокались, молчаніе. Пропало веселье. — Вы теперь должны сказать, — говорить собесѣдникъ. Но что я скажу? Я охотно бы пустил въ него бутылкой. И спать ложусь съ осадкомъ въ душѣ. «Смотрите, смотрите, господа, какой дуракъ сидитъ среди васъ».

Изъ дневника, который Чеховъ велъ отъ времени до времени, сохранилось не много страницъ. Больше всего записей отъ 1896 года. Въ февралѣ А. П. проѣхалъ черезъ Москву былъ у А. П. Толстого. «Онъ былъ раздраженъ, рѣзко отзывался о декадентахъ и часа полтора спорилъ съ В. Чичеринымъ, который все время, какъ мнѣ казалось, говорилъ глупости. Татьяна и Марья Львовны раскладывали пасьянсъ: обѣ, загадали о чемъ-то, попросили меня снять карты, и я каждой поочередно показывалъ какого туза, и это ихъ опечалило; въ колодѣ случайно оказались два пиковыхъ туза. Обѣ онѣ чрезвычайно симпатичны и отношенія ихъ къ отцу паразитическія. Графиня весь вечеръ отрицала художника Г. Она тогда была раздражена».

Вотъ 17 октября записано: «Въ Александринскомъ театрѣ шла моя «Чайка». Успѣха не имѣла». Подъ 4 декабря другая записи по поводу статьи о премьерѣ «Чайки» въ театральномъ журналѣ: «Это правда, что я убѣждалъ нашъ театр, но когда уже пьеса кончилась. Два, три раза и проситъ въ уборной Лемкевой (сѣбѣ) сказать въ ея бенефисъ Р. С.). Къ ней въ антрактахъ приходили театральные чиновники въ вицмундирахъ съ орденами. Погожевъ со злобой: приходилъ молодой чиновникъ, служившій въ департаментѣ государственной полиціи. Если человѣкъ присо-

бывается къ дѣлу ему чуждому, наприимѣръ, къ искусству, то онъ, за невозможностью стать художникомъ, неминуемо становится чиновникомъ. Сколько людей такимъ образомъ паразитируетъ около науки, театра и живописи, надѣвъ вицмундиры! То же самое, кому чужда жизнь, кто неспособенъ къ ней, тому больше ничего не остается, какъ стать чиновникомъ. Толстая актриса, бывшій въ уборной, держалась съ чиновниками добродушно, почтительно и лѣтливо. (Лемкева изъясняла удовольствіе, что Погожевъ такой молодой и уже имѣетъ звѣзду); это были старія, почтенныя экономки, крѣпостныя, къ которымъ пришли господа».

Въ мартѣ 1897 года А. П. опасно заболѣлъ. Онъ пріѣхалъ изъ Мелихова въ Москву побѣдиться съ Суворинныхъ. Едва онъ сѣлъ въ «Эрмитажъ» за обѣдъ, какъ у Чехова хлынула кровь. Несмотря на принятые мѣры, кровоточеніе продолжалось, и А. П. двое сутокъ пролежалъ въ номерѣ Суворина, въ гостиницѣ «Славянской базаръ», а съ 25 марта по 10 апрѣля въ клиникѣ Остроумова. О пребываніи въ клиникѣ записано въ дневникѣ: «Кровохарканье. Въ обѣихъ верхушкахъ хрипы, выдохъ; въ правой притупленіе. 28 марта приходилъ ко мнѣ Толстой А. П.; говорили о безсмертіи. Я разсказалъ ему содержаніе разсказа Носилова: «Театръ у погуловъ» — и онъ, повидимому, прослушалъ съ большимъ удовольствіемъ».

Въ сентябрѣ А. П. отправился за границу, проѣхалъ черезъ Парижъ и 8 сентября былъ въ Біаррицѣ. «Каждый русскій въ Біаррицѣ жалуется, что здѣсь много русскихъ», — записалъ онъ въ дневникѣ. Отъ плохой погоды А. П. перѣхалъ въ Ниццу и поселился въ русскій пансіонѣ, на рю Гуго, прожилъ здѣсь до весны. О заграничныхъ впечатлѣніяхъ, о которыхъ онъ много писалъ роднымъ и близкимъ, въ дневникѣ находимъ лишь скупыя отрывки. Изъ Ниццы А. П. часто ѣздилъ въ Монте-Карло «Видѣлъ, какъ мать Пликирцевой играла въ рулетку. Неприятное зрѣлище». — записано 9 октября, а 15 ноября: «Монте-Карло. Я видѣлъ, какъ крупно укралъ золотой». 24-го марта 1898 года, послѣ возвращенія домой, въ Мелихово, онъ отъчасти: «Нужно записать, что въ Парижѣ, несмотря на дождливую погоду, я провелъ 2-3 недѣли не скучно. Пріѣхалъ сюда съ

Макс. Ковалевскій (они близко сошлись въ Ниццѣ. Р. С.). Много интересныхъ знакомствъ: Paul Boyer, Art. Roë, Bonnier, Матвей Дрейфусъ, де Роберта, Валишевскій, Овѣгнъ. Завтраки и обѣды у Ив. Ив. Шуккина».

Къ мелиховскому періоду относятся записи, которыя А. П. дѣлалъ иногда въ дневникѣ отца, изо дня въ день пунктуально записывавшаго всѣ событія семейныя и хозяйственныя. А. П. тоже аккуратно отмѣчалъ погоду, пріѣзды и отъѣзды гостей, работы по хозяйству, прибавляя иногда шуточныя замѣчанія: «Ясный день. Парники готовы. Мамашѣ снилась гусь въ камплавкѣ. Это къ добру. Болѣла животомъ Машка. Зарѣзали свинью».

Жизни въ Мелиховѣ посвящена и интересная глава воспоминаній М. П. Чехова. Здѣсь разсказана и исторія покупки самого имѣнія — «великаго герцогства» — какъ называлъ его потомъ Чеховъ, которого они самъ не видѣлъ, а братъ и сестра, ѣздившіе осматривать, видѣли только подъ сѣномъ. Весной, когда снѣгъ стаялъ, имѣніе принесло не мало сюрпризовъ — и неприятныхъ и пріятныхъ. Но къ Мелихову и самъ Антонъ Павловичъ и вся чеховская семья очень привязались, и много работали надъ хозяйствомъ. А. П. «скажалъ маленькія дѣрвца, разводилъ изъ сѣмянъ ели и сосны, заботился о нихъ, какъ о новорожденныхъ дѣтяхъ и въ своихъ мечтахъ о будущемъ напоминалъ Вершинина изъ «Трехъ сестеръ». Онъ принималъ дѣятельное участіе въ земскихъ дѣлахъ, проводилъ шоссе, строилъ школы, заведывалъ холерными участками и очень напоминалъ вниманіемъ къ общественной работѣ своего дядю Митрофана Егоровича. Постоянно являлся къ нему съ бумагами сотскій или, какъ онъ называлъ себя, «щонкай», изъ сосѣдняго волостного правленія, «ходившій» съ бумагами и разными порученіями уже тридцать лѣтъ. Его изобразилъ Чеховъ въ «Трехъ сестрахъ».

Покинуть Мелихово заставила осень 1898 года болѣзнь — нужно было жить въ тепломъ климатѣ, и А. П. купилъ участокъ подлѣ Ялты. На немъ съ такой же заботой, какъ и въ Мелиховѣ, выстроилъ онъ дачу, которая стала своего рода чеховской «Ялтой Поляной».

Р. Словцовъ.